

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ

IAN
MCDONALD

RIVER OF GODS

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ

ЙЕН МАКДОНАЛЬД

РЕКА БОГОВ

Перевод с английского:
Сергей Минкин

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
М15

Ian McDonald
RIVER OF GODS

Печатается с разрешения автора
и его литературных агентов Zeno Agency (Great Britain)
при содействии Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

В оформлении обложки использована иллюстрация
Дианы Бигаевой

Перевод с английского: *Сергей Минкин*

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

ISBN 978-5-17-151602-4

Copyright © Ian McDonald 2004
All rights reserved
© Сергей Минкин, перевод, 2006
© Диана Бигаева, иллюстрация, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Часть первая: ГАНГА МАТА ¹

¹ *Мата* — мать (хинди). (Здесь и далее прим. ред.)

1

Шив

Течение поворачивает тело. Там, где новый мост пересекает Ганг пятью асфальтовыми пролетами, вокруг опор виднеются гирлянды из палок и пластиковых сушьев — плоты из речного мусора. Какое-то мгновение кажется, что тело может присоединиться к ним, темная бесформенная груда в черном потоке. Ровное движение воды несет его, переворачивает с боку на бок, протаскивает ногами вперед под стальной аркой, где грохочет трафик. Наверху, высоко над рекой, режут грузовики. День и ночь блестящие хромированные конвои машин с кричащими изображениями богов на бортах штурмуют мост на подступах к городу, а из громкоговорителей, установленных на крышах кабин, вопит киномузыка. Воды Ганга дрожат от отвращения.

Стоя по колено в реке, Шив делает долгую затяжку. Священный Ганг. Ты достиг *мокши*. Ты свободен от кармы. Венки из бархатцев обвивают его ноги в насквозь промокших брюках. Шив наблюдает за тем, как уплывает тело, затем щелчком выбрасывает окурок, улетающий с фейерверком мелких искр, и идет назад к своему мерсу, который тоже погрузился в воду по оси.

Парень протягивает ему туфли. Хорошие туфли. Хорошие носки. Итальянские носки. Не бхаратское дерьмо. Слишком хорошие обувь и носки, чтобы их можно было

пожертвовать Гангу, позволив стать частью ила и грязи. Шив включает зажигание. Загораются фары, и видно, как тоненькие фигурки разбегаются по белому песку. Гребанные дети. Он им покажет.

Мерседес выезжает на берег, едет по грязи к белому песку пляжа. Шиву никогда не приходилось видеть, чтобы уровень воды в реке настолько понижался. Конечно, он не принадлежал к числу тех, кто поклоняется богине Ганга — Ганга Дэви, — пусть этим занимаются женщины, раджа должен быть разумным человеком, иначе какой он раджа... Но смотреть, как низко опустилась вода в Ганге, понимать, что река ослабела, — тяжело и мучительно, словно наблюдать за тем, как из раны на руке друга густой струей хлещет кровь, и не иметь возможности ему помочь. Кости трещат под покрывками автомобиля. Мерседес разбрасывает в разные стороны угольки костра, который разводили здесь мальчишки.

Затем парень — Йогендра — бросает машину вперед, и они въезжают вверх по берегу, прорезав две глубокие борозды на лужайке, заросшей бархатцами. А ведь всего пять лет назад Шив был таким же мальчишкой, жившим за счет реки, вечерами сидевшим на корточках у костра, копошившимся в песке, просеивавшим ил в поисках какого-нибудь старья, которым можно поживиться. Когда-нибудь он здесь и закончит. Да, здесь кончится земной путь Шива — это он всегда знал. Все заканчивают тут. Река уносит всё. Грязь и человеческие останки.

Течение вертит тело, треплет шелк сари и медленно раскручивает ткань. Приближаясь к низкому понтонному мосту под давно заброшенным фортом у Рамнагара, труп в последний раз переворачивается и освобождается

от оков земной одежды. Змейка из шелка цепляется за округлый выступ понтона и, подхваченная течением, вьется с обеих его сторон. Мост построили британские саперы в той стране, которая существовала до той страны, что предшествовала нынешней.

Пятьдесят понтонов, соединенных узкими полосками стали. Здесь проезжает более легкий транспорт. *Фатфаты*, мопеды, мотоциклы, велорикши, изредка какой-нибудь «Марути», пробирающийся между велосипедами. Истошно гудят автомобильные сирены: пешеходов всегда уйма. Понтонный мост — настоящая звуковая дорожка, бесконечная магнитофонная лента с записью шума колес и шагов человеческих ног. Лицо обнаженной женщины покачивается на поверхности воды на расстоянии всего нескольких сантиметров от колес авторикш.

За Рамнагаром восточный берег расширяется, переходя в песчаный пляж. Здесь обнаженные *садху* строят свои селения из лозняка и бамбука и практикуют беспощадную аскезу до того момента, как рассвет начинает вливаться в священный город. За их кострами на фоне широкого неба виднеются громадные веера дыма и пара, возносящиеся из труб больших транснациональных предприятий по переработке сырья. Они отбрасывают длинные дрожащие тени на черную реку, освещая блестящие спины буйволов, сбившихся в кучу в воде под разрушающимся Азии-гхатом, первым из священных *гхатов* Варанаси. На воде вдруг вспыхивают огоньки — это несколько паломников и туристов пускают в реку *дийя* в маленьких блюдечках из листьев манго. Они будут плыть много километров, гхат за гхатом, пока река не превратится в текучее созвездие, в ленты света, в узор, в

котором мудрецы читают знамения, предвестия и судьбы народов.

Свечки, проплывая мимо, бросают отсветы на обнаженное тело женщины. Освещают лицо, не старое и не молодое. Обычное лицо — лицо, о котором не вспомнят, одно из одиннадцати миллионов лиц этого города. Существует пять классов людей, которых не разрешено предавать кремации, а следует просто бросать в реку: прокаженные, дети, беременные женщины, *брамины* и умершие от укуса королевской кобры. *Бинди* женщины свидетельствует о том, что она не принадлежит ни к одной из упомянутых каст. Поток проносит ее, никем не замеченную, мимо суеты и мельтешения туристических лодок. Ее бледные руки нежны, непривычны к тяжелой работе.

Большие погребальные костры пылают на Маникарника-гхате. Участники похоронной процессии несут бамбуковые носилки по усыпанным пеплом ступенькам, по засохшей и потрескавшейся грязи к кромке воды. Они опускают тело, облаченное в одежды цвета шафрана, в очищающие воды реки так, чтобы оно полностью омылось водой. Затем относят его к костру. А пока неприкасаемые складывают погребальные поленья поверх закутанного в ткани тела, маленькие фигурки стоят по колено в Ганге и процеживают воду сквозь корзиночки из ивняка, пытаясь среди пепла сожженных трупов отыскать золото.

Еженошно на гхате, где Брахма-творец принес жертву из десяти лошадей, пятеро браминов приносят *аарти* богине Ганга. Владельцы местного отеля платят каждому из них по двадцать тысяч рупий в месяц за совершение этого ритуала, что никак не влияет на молитвенное рвение.

Брамины возносят огненную *пуджу* богам, моля о дожде. Со времени последнего муссона прошло три года. Нечестивая плотина Авадха¹ в Кунда Кхадар превратила остатки крови в жилах Ганга Мата в прах. И теперь даже неверующие и агностики бросают лепестки роз в воды священной реки.

А в той другой реке, реке из колес, не знающей засух, Йогендра ведет огромный мерседес сквозь стену звука и движения, вечную *чакру* трафика Варанаси. Он непрерывно сигналит, проносясь мимо фатфатов, огибая рикш на велосипедах, выворачивая на встречную полосу, чтобы не наехать на корову, спокойно жующую какую-то старую куртку. Шиву наплевать на любые правила дорожного движения, но к убийству коров это не относится.

Проезжая часть и тротуар сливаются в единое мутное пятно; мимо проносятся ларьки, киоски, храмы, уличные алтари, увешанные гирляндами из цветов. «Дайте нашей реке течь свободно!» — гласит написанный от руки плакат противника строительства плотины. Группка юношей-проституток в идеально чистых рубашках и брюках, вышедших на охоту за клиентами, оказывается прямо перед автомобилем. Их грязные руки касаются блестящих боков машины. Йогендра не может удержаться от восклицания при виде подобной наглости. Поток прохожих становится все полноводнее, все плотнее: наконец женщинам и паломникам приходится прижиматься к стенам и дверям, чтобы пропустить Шива. От испарений спиртового автомобильного топлива начинает кружиться голова. Они едут горделиво, будто в королевской повозке.

¹ *Авадх* — историческая область в Северной Индии.

Сжимая в руке ледяной металлический контейнер, Шив въезжает в город своего имени и наследия.

Первым был Каши¹ — первородный из городов. Брат Вавилона и Фив, переживший их. Город света, где йотирлинга Шивы, божественная творящая энергия, вышла из земли в виде светоносного столпа. Затем пришло время Варанаси, самого священного из всех городов, супруга богини Ганга, города смерти и паломников, пережившего множество империй, царств, повелителей и великих народов, жизнь которого течет сквозь время подобно тому, как его река течет по великой равнине Северной Индии. За ним вырос Нью-Варанаси. Бастионы и крепости новых жилых районов и взмывающие к небесам штабы из стекла и бетона, принадлежащие межнациональным корпорациям, громоздящиеся позади дворцов и паутины узких улочек с тех пор, как мировые доллары полились в бездонный колодец рабочих ресурсов Индии.

И вот возникли новая страна и новый народ, а Старый Варанаси вновь стал Каши из легенды. Пуповина возрожденного мира, новейшая Южно-Азиатская Гинза. Это город-шизофреник. На переполненных улицах паломники смешались с японскими секс-туристами. Похоронные процессии проносят мертвецов мимо клеток с девочками-проститутками. Отощавшие европейцы и американцы, давно обосновавшиеся в Индии, увешанные бусами и заросшие бородами, предлагают массаж головы, а местные деревенские девицы толкуются в брачных агентствах, хищным взором впиваясь в данные о доходах возможных претендентов на их руку и сердце.

¹ *Каши* — одно из названий Варанаси.

Привет, привет... какая страна? Ганджа, ганджа, непальские гашишные шарики? Хотите смотреть на молоденькую девочку, туда-сюда, как она втянет в свою маленькую детку маленький мяч американского регби? Десять долларов. Ваш хер от этого делается такой большой, что напугает людей.

Карты, гороскопы-джанампатри, зодиакальные карты хора чакра, жирные красные *тилаки*, которые наносят на лоб туристам. Гуру-близнецы. Давай! Давай! Фильм последнего месяца, озвученный одним человеком, одним голосом в спальне вашей двоюродной сестры; истощенные рабочие, что трудятся чуть ли не целый день напролет, и прожигатели жизни; самопальные джин и виски, изготовленные на старых сырмятнях («Джонни Э. Уокер» — самая уважаемая марка). А после того как муссон так и не пришел, еще и вода. В бутылках, чашках, просто глотками, из баков, цистерн, на подносах и в пластиковых бутылках, в рюкзаках и козьих мехах. Эти бенгальцы с их айсбергом, как вы думаете, они поделятся с нами хоть одной каплей здесь, у нас в Бхарате? Покупайте и пейте...

Мимо пылающего гхата и храма Шивы, медленно опрокидывающегося в ил, нанесенный у Варанаси, река течет дальше на северо-восток. От третьего ряда мостовых опор возникают водовороты. На поверхности появляется сильная рябь. Рябят и огни, отраженные в зеркале воды, огни скоростного *шатабди*, пересекающего реку по направлению к станции Каши. Изящный современный экспресс с тяжелым грохотом пролетает по мосту как раз в тот момент, когда вода выносит из-под его опор труп женщины.

За Каши и Нью-Варанаси есть еще и третий Варанаси. Новый Сарнат, он появляется на планах и в пресс-

релизах архитекторов и компаний, занимающихся их пиаром, живущих за счет славы древнего буддистского города. Для всех остальных он называется Ранапуром. Недостроенная столица молодой политической династии. Но как ее ни называй, это самая крупная стройка Азии. Тут никогда не темнеет. Работа не прекращается ни на секунду. Шум повергает в ужас. Здесь постоянно трудятся сто тысяч человек, начиная от подсобных рабочих и кончая инженерами. Небоскребы немыслимой красоты и конструкторской смелости взмывают к небу из коконов бамбуковых лесов. Бульдозеры торят широкие бульвары и проспекты, которые украсят тенистые генетически модифицированные деревья. Новым государствам требуются новые столицы, и Ранапур станет витриной культуры, промышленности и перспектив развития Бхарата. Культурный центр Саджиды Рана. Центр общественных форумов Раджива Рана. Телекоммуникационная башня Ашока Рана. Музей современного искусства. Система скоростных перевозок. Министерства и различные государственные учреждения, посольства, консульства и все прочие атрибуты столицы. То, что англичане сделали для Дели, Рана сделают для Варанаси. И название самого главного здания во всей этой стройке: Бхарат *Сабха* — лотос из белого мрамора, — здание парламента и правительства Бхарати и вотчина премьер-министра Саджиды Рана.

Стройка отражается в реке. Новые гхаты могут быть сделаны из мрамора, но дети реки — настоящие обитатели Варанаси. Резко поднимаются головы. Там что-то есть. Что-то легкое, яркое, отливающее светом. Гасятся сигареты. Обитатели берега прыгают в воду, во все

стороны разлетаются брызги. Они идут по прибрежной полосе по колено в мелкой, теплой, как кровь, воде, окликая друг друга. Нечто. Тело. Женское тело. Обнаженное женское тело. Для Варанаси это не в новинку, но мальчишки вытаскивают труп на береговой песок. Возможно, им удастся чем-то поживиться. Какие-нибудь драгоценности. Золотые зубы. Что-нибудь еще, имеющее цену. Ребята шествуют по воде через полосы света, отбрасываемые прожекторами с великой стройки, и тянут за собой свою добычу, тащат ее за руки по песку. У нее на шее мерцает серебро. Жадные руки тянутся к медальону в виде *тришула* — трезубца, который носят почитатели Господа Шивы. С приглушенными криками мальчишки отскакивают.

От грудины до лобка тело женщины распорото. Кольца кишок и прочие внутренности сверкают в полосе света, что отбрасывает стройка. Двумя короткими грубыми разрезами начисто удалены яичники.

Сидя в шикарной немецкой машине, Шив бережно придерживает на коленях контейнер с капельками конденсата на серебристой поверхности, а Йогендра мчит его сквозь густой поток автомобилей.

2

Господин Нандха

Господин Нандха, Коп Кришны, едет сегодняшним утром в поезде, в вагоне первого класса. Господин Нандха — единственный пассажир в вагоне первого класса на электропоезде-экспрессе Шатабди на железной